

Женщина как глава неполной семьи в современном российском обществе: стратегии самоопределения

Галина Дмитриевна Гриценко¹, Татьяна Федоровна Маслова²

¹ Южный научный центр РАН (д. 41, пр. Чехова, 344006, Ростов-на-Дону, Российская Федерация)
доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник
ORCID: 0000-0001-8281-7409. E-mail: dissovet@rambler.ru

² Ставропольский государственный педагогический институт
(д. 417 А, ул. Ленина, 355029, Ставрополь, Российская Федерация)
доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии
и социально-гуманитарных дисциплин
ORCID: 0000-0002-0829-677X. E-mail: tatianamaslova@rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Гриценко Г. Д., Маслова Т. Ф., 2021

Аннотация. *Введение.* Масштабные социокультурные трансформации конца XX – начала XXI вв. затронули жизнедеятельность российской семьи. Происходит формирование так называемой постнуклеарной семьи, для которой характерной становится размытость родительских статусов и ролей, в частности, в результате распространения неполных семей. Согласно официальным данным, в российском обществе, как правило, неполная семья с ребенком (детьми) возглавляется женщиной. Следствием приспособления женщины к условиям неполной семьи становится та или иная стратегия самоопределения. *Цель* исследования — изучение и анализ адаптивных стратегий, позволяющих женщине из неполной семьи самореализоваться. *Материалы и методы.* Для достижения поставленной цели исследования использовалась методология, ориентированная на микросоциологический уровень, а именно микротеорию «doing family», что обеспечила поворот в сторону изучения семейных практик.

Результаты. На основании результатов социологического опроса сконструированы три основных типа таких стратегий: «инновационная, или активно деятельностная», «традиционная, или ориентированная на поддержку» и «патриархальная, или пассивно-репродуктивная». Несколько преобладающей признана первая стратегия самоопределения — «инновационная, или активно деятельностная», которая соответствует социокультурным трансформациям, происходящим в современном мире и российском обществе в частности. *Выводы.* В статье также отмечено, что для любой из стратегий самоопределения женщины из неполной семьи характерна дисфункция процессов воспитания и социализации, что требует от государства и заинтересованных в благоприятной социализации детей структур системных мер по минимизации негативных последствий проживания в неполной семье.

Ключевые слова: неполная семья, стратегий самоопределения, инновационная, традиционная, патриархальная

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания Южного научного центра РАН, № гр. проекта № ААААА19-119011190170-5.

Для цитирования: Гриценко Г. Д., Маслова Т. Ф. Женщина как глава неполной семьи в современном российском обществе: стратегии самоопределения // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 194–209. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-194-209

Woman as Head of Incomplete Family in Modern Russian Society: Self-Determination Strategies Revisited

Galina D. Gritsenko¹, Tatiana F. Maslova²

¹ Southern Scientific Center of the RAS (41, Chekhov Ave., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Chief Research Associate
ORCID: 0000-0001-8281-7409. E-mail: dissovet@rambler.ru

² Stavropol State Pedagogical University (417 A, Lenin St., 355029 Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor
ORCID: 0000-0002-0829-677X. E-mail: tatianamaslova@rambler.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Gritsenko G. D., Maslova T. F., 2021

Abstract. *Introduction.* Large-scale sociocultural transformations of the late 20th – early 21st centuries affected the life of Russian family. The period witnesses the shaping of the so-called post-nuclear family characterized by the blurring of parental statuses and roles resulting, in particular, from the spread of incomplete families. *Goals.* According to official data, in Russian society, as a rule, incomplete family with a child (children) is headed by woman, and her adaptation to the conditions of incomplete family takes shape via one or another self-determination strategy. So, there emerges a need to study adaptive strategies that allow women from incomplete families to self-actualize. *Methods.* In terms of methodology, the study focuses on the microsociological level, namely, the ‘doing family’ microtheory which provided a turn towards the study of family practices. *Results.* The results of our sociological survey make it possible to delineate three main types of such strategies, namely: 1) ‘innovative, or proactive one’, 2) ‘traditional, or support-oriented one’, 3) and ‘patriarchal, or passive-reproductive one’. The first self-determination strategy is recognized as prevailing, which corresponds to sociocultural transformations experienced by the contemporary world and Russian society proper. *Conclusions.* The article also notes that each of the self-determination strategies adopted by women from incomplete families implies a dysfunction of education and socialization processes, which requires that the Government and related structures aimed at beneficial socialization of children take systemic measures to minimize negative consequences inherent to the phenomenon of incomplete family.

Keywords: incomplete family, self-determination strategies, innovative, traditional, patriarchal

Acknowledgments. The reported study was funded by government assignment for Southern Scientific Center of the RAS, project no. AAAAA19-119011190170-5.

For citation: Gritsenko G. D., Maslova T. F. Woman as Head of Incomplete Family in Modern Russian Society: Self-Determination Strategies Revisited. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2021. No. 1. Pp. 194–209. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-194-209

Масштабные трансформации начала XXI в. отразились на изменении форм и функционировании российской семьи. Широкое распространение в общем числе семей получил тип неполной семьи, состоящей из одного родителя и ребенка (детей): «около 5 миллионов из 17 миллионов российских семей — это семьи с матерями-одиночками, еще в 600 тысячах семей детей воспитывают отцы-одиночки» [[Почти в трети российских семей 2017](#)].

Данное явление говорит о трансформации взглядов на семью, ее роли в жизни личности и общества. Неполную семью характеризует определенная степень отличий от социокультурных стандартов традиционной семьи: избирательное выполнение семейных функций ее членами, их активная роль в процессе деформаций внутрисемейной структуры, восприимчивость к факторам внешней среды, нивелирующим семейные ценности и традиции. Главный признак и сущностные характеристики сегодняшней неполной семьи связаны с тем, что такие семьи чаще всего возглавляет женщина. За последние 20 лет матерей-одиночек в России стало втрое больше. Сегодня это практически треть всех семей в стране [[Россиянки выбирают 2017](#)]. Учитывая распространенность в современном российском обществе числа неполных семей, состоящих из женщины с несовершеннолетним ребенком (детьми), представляется возможным рассматривать в качестве типичной неполной семьи такую её разновидность, как женская, «феминная» семья. Женщина выступает специфическим субъектом, формирующим модель самоактуализации в выполнении семейных ролей: традиционной — женщины-матери и нетрадиционной — главы семьи. Женщине приходится самостоятельно обеспечивать реализацию семейных функций и выполнять большинство семейных ролей. Это требует повышенной траты физических и духовных сил, активизации собственных возможностей и поиска дополнительных ресурсов.

Проблемы женщины-матери в неполной семье находятся в центре внимания российского дискурса. Однако, по заключениям исследователей, «наблюдается отсутствие представлений об одиноком материнстве и неполных семьях как о динамическом состоянии для матерей и их детей...» [[Захаров, Чурилова 2013](#)].

Между тем рассмотрение стратегий поведения женщин, возглавляющих неполные семьи, приобретает научную и практическую значимость в связи с востребованностью представлений о степени стабильности такой формы семьи в обществе.

В период становления постиндустриального общества на смену полной нуклеарной семейной структуры приходит постнуклеарная семья, или семья «постпарсоновского» типа, в которой отсутствует «четкая поляризация родительских ролей» [Чернова 2012: 105]. Кроме этого, повседневность и функциональность такой семьи обусловлены новейшими семейными трансформациями, а именно: переформатированием внутрисемейных ролей, распространением новых видов родительского поведения и др. [Носкова 2015; Носкова 2013: 148].

Необходимость в «переосмыслении семейных практик» [Miller 2011] повлекла за собой обновление исследовательской методологии, выразившееся в явной ориентации на микросоциологические исследования [Эспинг-Андерсен 2008: 245], бесспорном повороте в сторону изучения семейных практик [Jurezyk 2013] и производных от них практик материнства и отцовства, практик родительства.

В данном контексте показательными могут считаться работы известного британского социолога Т. Миллер: «Создание чувства материнства: нарративный подход» [Miller 2005] и «Создание чувства отцовства: гендер, забота и работа» [Miller 2011].

Необходимо отметить, что при анализе семейных практик исследователи уходят от одной единственной модели семьи и акцентируют внимание на многообразии вариантов организации семейных отношений, а следовательно, перевод исследовательского внимания со структуры к процессу производства и поддержания семейной жизни, к активной повседневной деятельности членов семьи [Morgan 2011].

В центре исследовательского интереса оказываются проблемы совмещения работы и домашней жизни, организации опеки и ухода за нетрудоспособными членами семьи, обустройства жизнедеятельности семьи и т. д.

Важно также подчеркнуть, что новые стратегии в исследовании семьи реализовались в так называемой микротеоории «doing family» (что можно перевести как «процесс повседневного производства семьи»). По утверждению ведущего немецкого социолога К. Юрчик, это есть новый подход к осмыслению современной семьи и ее трансформации, есть центральная идея «практического поворота» в науке о семье [Jurczyk 2013].

С точки зрения А. Ланге и К. Юрчик, микротеоории «doing family» является неизбежной научной реакцией на процессы размывания границ между трудовой и семейной жизнью. Социальная схема «семья – работа – гендерные роли – повседневная жизнь» утрачивает свою нормативную состоятельность. В результате изменяются функции государства, и на первый план выдвигается задача демпфирования дисфункциональных социальных последствий от новых форм организации «семья/работа» [Lange, Jurczyk 2006: 119–140].

Поворот к иным методологическим принципам исследования семейных отношений на фоне институциональных и демографических трансформаций в семье [Bosoni 2013: 685], структурных изменений на рынке труда и преобразования гендерных идентичностей предполагает продолжение исследования женской роли в семье, особенно неполной. Примером может быть исследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», выполненное при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» [Захаров, Чурилова 2013; Чурилова 2015].

Предварительный анализ объекта исследования, в качестве которого выступает неполная «феминная» семья, говорит о том, что выбор стратегии самоопределения женщины как главы неполной семьи обусловлен многими факторами.

Во-первых, это материальные проблемы, обострившиеся в результате отсутствия полноценных доходов второго родителя. Вопросы о том, насколько алименты на детей после распада брака, пенсии по потере кормильца и социальные пособия одиноким родителям реально обеспечивают функцию материальной поддерж-

ки детей в неполных семьях, определяют стратегию самоопределения женщины, в рамках которой она старается решить проблему источника денежных поступлений, призванных частично (или полностью) компенсировать снижение доходов в «феминной» семье [Прокофьева, Корчагина 2020: 172].

Во-вторых, это условия социализации детей в неполной семье. Вот что говорят эксперты по этому поводу: «Нередко те дети, которые воспитываются одной лишь матерью, страдают от неумения контролировать себя, свой повседневный график. Жизнь в неполной семье часто бывает нестабильной. Мать приходит с работы поздно. Иногда вместо того, чтобы получить помощь с уроками, ребенок должен сам помогать взрослому с выполнением домашних дел. В результате он вырастает хорошим исполнителем, гиперответственным сотрудником, однако вовсе не тем человеком, который может дисциплинировать себя самого. Как бы парадоксально это ни казалось, ребенок из неполной семьи нередко бывает крайне недисциплинированным» [Россиянки выбирают 2017].

В-третьих, это личностное самоопределение женщины в условиях неполной семьи, субъективная оценка возможностей выбора своей позиции, целей и средств принятия и реализации стратегии самоопределения [Шлыкова 2020].

Изучению последнего фактора и было посвящено исследование «Стратегии адаптации женщин, возглавляющих неполные семьи, в социокультурном пространстве современной России», проведенное в 2018–2019 гг. в Ставропольском крае. Выборочную совокупность исследования, проведенного с помощью анкетного опроса, представили 250 женщин-матерей из неполных семей, не имеющих ни юридических, ни фактических брачных отношений при наличии несовершеннолетнего ребенка (детей). В число женщин, участвующих в опросе, вошли представительницы разных возрастов — от 23 до 45 лет. В отношении «стажа семейной жизни» в неполной семье данные распределились следующим образом: 34,4 % респондентов проживали в неполной семье от 1 до 5 лет; 39,4 % — от 6 до 10 лет, 26,2 % женщин — от 11 до 15 лет [ПМА 2018–2019].

В основу конструирования стратегий самоопределения женщин, имеющих статус главы неполной семьи, авторами статьи были положены следующие индикаторы, отражающие социальные диспозиции женщин: представление об обязательности полноценной семьи; отношение к собственной семье как неполной; оценка жизненных изменений в результате распада семьи; возможные способы улучшения материального положения неполной семьи; приемлемые способы и пути решения насущных повседневных проблем; ценности, определяющие перспективный «жизненный план»; ощущение степени счастья в условиях неполной семьи; оценка степени адаптации к ситуации распада семьи; обобщенное социально-психологическое самочувствие в условиях неполной семьи.

Выбор типа жизненной стратегии женщин определяется в большей степени субъективными факторами, имеющими ценностно-мотивационный, социально-психологический, эмоционально-волевой и действенно-практический измерения. Их сочетание обеспечивает согласование социокультурных (доминирующих в обществе) и личностных норм, ценностей и целей; и достижение определенной степени адаптации и социальной устойчивости женщины. Дифференциация ценностных ориентаций, способов разрешения схожих проблем, степень готовности к изменению гендерных границ и поля своей деятельности определяют приоритетность стратегий социального самоопределения женщин, возглавляющих неполные семьи. Систематизация и дифференциация установок, выраженных респондентами в ходе опроса, позволили построить стратегии жизненного самоопределения женщин в условиях неполной семьи. Это: «инновационная, или активно деятельностная», «традиционная, или ориентированная на поддержку», «патриархальная, или пассивно-репродуктивная» стратегии.

В условиях современных социокультурных трансформаций российского общества наиболее распространенный вариант жизненной ориентации, которого придерживаются женщины из неполных семей, согласно результатам опроса, отражается в *«инновационной, или активно деятельностной»* стратегии. Такая стра-

тегия в той или иной степени свойственна 42,6 % респондентов. В чем проявляется «инновационная, активно деятельностная» стратегия? Отмечается, что «активные» женщины не расценивают создавшуюся ситуацию как трагедию — для них свойственны следующие суждения: «Не стоит „ломать“ себя ради сохранения брака», «Главное в семье — это мать и её дети» [ПМА 2018–2019].

Отношение к возникшей неполной семье характеризуется скорее позитивным восприятием сложившейся ситуации и себя в ней: основная оценка «Меня в той или иной степени устраивает моя неполная семья» и «Я вполне приспособилась к жизни в неполной семье» [ПМА 2018–2019].

Преобладающей оценкой жизненных изменений стал ответ: «Жизнь стала лучше», несмотря на возможные трудности дальнейшей жизни в неполной семье, например, нехватку денег, трудности в воспитании ребенка (детей), жилищно-бытовые проблемы и т. д. К числу возникших преимуществ неполной семьи женщины, причисленные к первой стратегии, отнесли личную свободу, независимость и самостоятельность; отсутствие стрессовых ситуаций, скандалов, обид; осознание собственной нужности ребенку (детям); повышение жизненного тонуса; уменьшение количества забот и др. Очевидно, такой позитивный настрой обусловлен устойчивой дисгармонией отношений между супругами и желанием их скорейшего разрыва. Тем более что в качестве главного способа преодоления жизненных трудностей неполной семьи «активно действующие» женщины видят в интенсификации профессионально трудовой активности, а именно: или больше работать для реализации своих профессиональных способностей и возможности карьерного роста; или сменить работу и даже профессию на более высокооплачиваемую; или заняться бизнесом, открыть собственное дело.

Женщины «инновационной» стратегии ориентированы, прежде всего, на самостоятельность: «выходить из трудностей самой, своими силами», но только «не возвращаться к прежней полной семье». Среди принципов жизненной стратегии, обустройства собственной семьи доминируют личностно-ориентированные:

интересная работа, личностное развитие, независимость, карьера, друзья.

Достижение «женского счастья» женщины «активно действующей» стратегии самореализации связывают с «любовью и взаимопониманием». Характерными ощущениями социально-психологического самочувствия для таких женщин стали оптимизм, уверенность в преодолении потенциальных трудностей, надежда на жизненный успех и женское счастье. Они утверждают, что «имеют все, чтобы чувствовать себя счастливыми» и даже часть из них «(иногда) чувствуют, что счастливы» [ПМА 2018–2019].

Завершая характеристику женщин, проживающих в неполной семье и придерживающихся «инновационной, активно деятельностной» стратегии самореализации, следует сказать, что это женщины с преобладанием ориентации на личностный рост, профессиональную самореализацию, финансовую самостоятельность. Это обеспечивается позитивным отношением к жизненным переменам, восприятием нового статуса с позиции дополнительных возможностей и перспектив для самореализации. Они предпочитают использовать преимущества сложившейся ситуации в большей степени, чем переживать по поводу возникших трудностей. Поэтому женщины, транслирующие данный тип стратегии, динамичны, мобильны, активны. Все это может расцениваться в качестве показателя реальной адаптированности и гарантии успешности реализуемой жизненной стратегии данной категории женщин.

Следующим вариантом жизненной ориентации является жизненная стратегия самореализации, условно названная «традиционная, или ориентированная на поддержку». К данной стратегии были отнесены 29,5 % респондентов. Основным принципом решения повседневных проблем для женщин данной стратегии становится активный поиск «тех, кто может и хочет помочь»: привлечение моральной и материальной помощи со стороны близких, расширение «сети родственного обмена», использование средовых ресурсов «сети родственников и знакомых». Однако наиболее приемлемыми и возможными способами улучшения материального положения своей неполной семьи для этой категории

респондентов является «использование альтернативных источников — дополнительных пособий, льгот»: обращение за помощью к государству. Транслируется так называемая стратегия «поиска ренты», которая предполагает активное использование альтернативных (не зарплатных) источников для пополнения своих доходов (льгот), получение законодательно гарантированной государственной помощи (пособий). Самооценка приспособленности «традиционно» ориентированных женщин выражается в утверждении: «Я отчасти приспособилась, но мне необходима поддержка» [ПМА 2018–2019].

В условиях материальных лишений этим женщинам свойственно стремление сэкономить имеющиеся материальные, финансовые, эмоциональные ресурсы.

Семья для женщины данного типа стратегии является важным фактором, определяющим семейное поведение и позицию женщины. В то же время она готова согласиться с тем обстоятельством, что «семья может быть неполной», хотя ее «скорее не устраивает неполная семья, но терпимо». Как полагают респонденты данной стратегии самореализации, радикальных социально-экономических изменений в связи с появлением неполной семьи не произошло: «жизнь почти не изменилась» [ПМА 2018–2019].

У женщин второго типа стратегии ярче выражены традиционные трудовые ценности, позволяющие сочетать профессиональную и семейную занятость, не содержащие карьерно-статусные устремления, предполагающие прямую зависимость материального благополучия неполной семьи от заработной платы. Именно поэтому предпочитаемой работой становится та, для которой характерны: постоянная и регулярная зарплата, удобный график работы, обязательность социального пакета, близость работы от дома, возможность заниматься детьми и семейными делами, гарантия сохранения рабочего места.

Ориентация на «удобную работу» выражается в согласии на меньшую, но регулярно выплачиваемую зарплату, в отказе от профессиональной самореализации в обмен на послабление трудового режима.

Основой «женского счастья» «ориентированные на поддержку» женщины считают «материнство, благополучие и счастье детей», «семью и поддержку родных» [ПМА 2018–2019].

Ориентация на ответственное выполнение роли матери обуславливает в социально-психологическом самочувствии доминирование таких ощущений, как «постоянное внутреннее напряжение», таких чувств, как «вина перед ребенком». Женщины данной стратегии не чувствуют себя «исключенными» из социальной жизни, но обеспечивают свою самореализацию по большей части в приватной сфере.

Женщины, причисленные к третьему типу стратегий (27,9 %), условно названному «патриархальный, или пассивно-репродуктивный», в большей степени поглощены переживанием своих проблем и страдают от несоответствия реальной ситуации идеальным представлениям о семейном и гендерном предназначениях. Неполноте семьи эти женщины считают главным препятствием для достижения жизненного благополучия.

Основной причиной такого отношения женщин к ситуации и собственному положению являются не сами по себе патриархальные стереотипы, а социально-психологическое согласие самих женщин с вторичностью своей деятельности по оптимизации ситуации [Балабанова 2000].

Именно поэтому взгляд на семью и семейное поведение остается патриархальным: «Семья должна быть полной», а отношение к собственной форме семьи и жизненным изменениям однозначно негативное: «Такая форма семьи не устраивает», «Жизнь стала хуже». Респонденты этой стратегии самоопределения оценивают степень своей приспособленности к ситуации не только отрицательно: «я не приспособилась», но и отрицательно пессимистично: «я никогда не привыкну жить в неполной семье» [ПМА 2018–2019].

Восприятие себя в качестве «одинокой матери» и, следовательно, «несчастной» женщины поддерживается еще одной патриархальной установкой: «женщина-мать должна быть „социально подопечной“» [Балабанова 2002: 34], которая в свою очередь

обуславливает неуверенность в себе и низкую инициативность в профессионально-трудовой сфере; неспособность справиться с неудачами и зависимость от жизненных обстоятельств, чрезмерную сосредоточенность на своих семейных проблемах и пассивность в социальной жизни.

Продолжением рассматриваемой установки могут считаться и «пассивное ожидание» как основной принцип решения житейских ситуаций и повседневных проблем: «в решении проблем не отказываться от помощи других» и «замужество и/или помощь мужчины» как наиболее приемлемый способ справиться с проблемами, в частности улучшить материально-финансовое положение семьи и повысить ее социальный статус. Об установке женщины с пассивно-репродуктивной стратегией самореализации быть «социально подопечной» свидетельствуют и ее предпочтения при выборе работы или рода занятий: хороший коллектив; гарантия сохранения рабочего места, постоянство заработной платы; безопасные условия труда.

Основными компонентами «женского счастья», по определению респондентов пассивно-репродуктивной стратегии, являются «защищенность и стабильность», которые не свойственны для семейно-брачных отношений неполной семьи. В результате женщины данной категории «не считают себя счастливыми» и даже «не верят, что вообще смогу быть счастливыми». Соответственно, социально-психологическое самочувствие характеризуется «ощущением беззащитности» и «страхом перед будущим» [ПМА 2018–2019].

Итак, женщины патриархальной, или пассивно-репродуктивной стратегии самоопределения испытывают резко негативное отношение к своему положению; рассматривают собственную неполную семью как совокупность проблем, не поддающихся решению собственными силами; испытывают неуверенность в себе и пассивно ожидают помощь извне: от родственников, друзей, коллектива, государства и / или нового замужества. Это порождает тенденцию к неустойчивой адаптации, возникновению рисков социальной дезадаптации, разного рода девиаций.

В условиях новейших семейных трансформаций, ведущих к становлению постнуклеарной семьи, в которой отсутствует «четкая поляризация родительских ролей», переформируются внутрисемейные роли, складываются различные варианты организации семейных отношений, наблюдается поворот в сторону изучения семейных практик и производных от них практик материнства в неполных семьях.

Исследование проблем обустройства жизнедеятельности неполной семьи через анализ ценностных установок и ориентаций женщин, возглавляющих эти семьи, позволило сконструировать три основные стратегии самореализации. Наиболее распространенной признана «инновационная, или активно деятельностная» стратегия, которая соответствует современным тенденциям развития постиндустриального, информационного общества. В то же время сохраняют актуальность и те стратегии самореализации женщин, которые были характерны для индустриального («традиционная, или ориентированная на поддержку») и доиндустриального («патриархальная, или пассивно-репродуктивная») обществ. Что предполагает наличие разветвленной системы поддержки женщин из неполных семей с ребенком (детьми), включающей экономическую помощь, психолого-педагогическое сопровождение, медико-социальную реабилитацию, правовое консультирование, системы, направленной на помощь в воспитании детей, в организации досуга, на преодоление дискриминационных проявлений. Но, несмотря на распространенность в современной неполной семье женщины-матери с инновационной, активно деятельностной стратегией, необходимо признать, что данная жизненная ориентация не может исключить проблем функционирования неполной семьи и, прежде всего, с точки зрения ее воспитательной и социализационной функции. Это выражается в инверсии воспитательных и семейных ролей; рисках неадекватного отношения к ребенку (гипер- или гипопека, повышенная строгость или либерализм в отношениях и т. д.); в трудностях гендерной идентификации детей; в сужении круга семейного общения и др. Это означает, что система поддержки необходимо и важна для неполной семьи, независимо от стратегии самоопределения и самореализации женщины-матери.

Полевые материалы авторов

ПМА 2018–2019 — Анкетный опрос 250 человек в рамках исследования «Стратегии адаптации женщин, возглавляющих неполные семьи, в социокультурном пространстве современной России» (Ставропольский край, 2018–2019 гг.).

Литература

- Балабанова 2000 — *Балабанова Е. С.* Зависимость женщин: теоретические подходы к изучению // Гендерные исследования. 2000. № 4. С. 266–277.
- Балабанова 2002 — *Балабанова Е. С.* Гендерные различия стратегий совладания с жизненными трудностями // Социологические исследования. 2002. №11. С. 26–36.
- Захаров, Чурилова 2013 — *Захаров С. В., Чурилова Е. В.* Феномен одинокого материнства в России: статистико-демографический анализ распространенности и механизмов его формирования // Мир России: Социология, этнология. 2013. Т. XXII. № 4. С. 86–117.
- Носкова 2015 — *Носкова А. В.* Новые методологические подходы, исследовательские фокусы, дискуссионные проблемы социологии семьи // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 177–185.
- Носкова 2015 — *Носкова А. В.* Семья перед лицом вызовов глобализирующегося мира // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 147–149.
- Почти в трети российских семей 2017 — Почти в трети российских семей детей воспитывают матери-одиночки [электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ. 07.02.2017. URL: <https://ria.ru/20170207/1487325545.html> (дата обращения: 10.01.2021).
- Прокофьева, Корчагина 2020 — *Прокофьева Л. М., Корчагина И. И.* Неполные семьи с детьми в России: масштабы распространения и материальная поддержка // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 9–1 (48). С. 172–179.
- Россиянки выбирают 2017 — Россиянки выбирают растить детей без мужа [электронный ресурс] // РОСБАЛТ: информационно-аналитическое агентство. 2017. 10 февраля. URL: <https://www.rosbalt.ru/moscow/2017/02/10/1591028.html> (дата обращения: 10.01.2021)
- Чернова 2012 — *Чернова Ж. В.* Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 1. С. 103–123.

- Чурилова 2015 — *Чурилова Е. В.* Состав и благосостояние неполных семей в России // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 78–81.
- Шлыкова 2020 — *Шлыкова Е. В.* Субъективная оценка безопасности как показатель адаптированности к рискам социальных изменений: методологическое и эмпирическое обоснование исследовательского подхода // Социологическая наука и социальная практика. № 4. Т. 8. 2020. С. 105–120.
- Эспинг-Андерсен 2008 — *Эспинг-Андерсен Г.* Два общества, одна социология и никакой теории // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. № 2. С. 241–266.
- Bosoni 2013 — *Bosoni M. L.* New Fathers or Breadwinner? A Picture of Men, Fathers & Work in Italy and Europe // ESA 11th Conference Crisis, Critique and Change (28–31 August 2013, Torino, Italy). Turin: University of Turin, 2013. Pp. 680–689.
- Jurczyk 2013 — *Jurczyk K.* Doing Family – Structuring Everyday Life as a Modern Challenge // The Future of the Family. Demands on Family Policy and Family Science. Bamberg, 2013. Pp. 35–49.
- Lange, Jurczyk 2006 — *Lange A., Jurczyk K.* Family, work and the welfare state under conditions of blurring boundaries in Germany // Reconciling Family and Work: New Challenges for Social Policies in Europe / Giovanna Rossi (ed.). Mailand: Franco Angeli. 2006. Pp. 119–140
- Miller 2011 — *Miller T.* Making Sense of Fatherhood: Gender, Caring and Work. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 206 p.
- Miller 2005 — *Miller T.* Making Sense of Motherhood. A Narrative Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 186 p.
- Morgan 2011 — *Morgan David H. J.* Rethinking family practices. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2011. 159 p.